

Гроссер Камп 18
49328 Мелле
Тел.: 05226 – 581 9846
Факс: 05226 – 583 9846
Мобильный: 0175 2828 958

Элен Абрамс * Гроссер Камп 18 * 49328 Мелле

Управление Федерального Президента
Шпревег 1
10557 Берлин
Телефон: +49 (0) 30 2000-0
Факс: +49 (0) 30 1810200-1999
E-Mail: bundespraesidialamt@bpra.bund.de

По факсу заранее!

в распоряжение Г. Президента ФРГ Франка-Вальтера Штайнмайера

Ваша подпись

Моя подпись

Дата

19.06.2019

Вопиющий случай антисемитизма с еврейской учительницей в 2019 - просьба вмешаться

Уважаемый г-н Бундеспрезидент Штайнмайер,

В своем вчерашнем выступлении в Гейдельбергском университете еврейских исследований Вы говорили о том, что

"Государство и его институты обязаны защищать еврейскую жизнь."

Я хочу сослаться на это и описать вам **случай острого антисемитизма**, скандал, которому нет равных.

Речь идет о еврейской учительнице физики и математики, успешной и находящейся в расцвете профессиональной жизни, любимой детьми, которым она преподает, пользующейся уважением родителей этих детей и коллег. И речь идет о ее похищенном сыне Адриане.

Нет, мы говорим не о временах Третьего рейха в 1933-1945 годах, а о Федеративной Республике Германии в 2019 году!

Параллели между постоянно возрастающей бесчеловечностью, которой мать и ребенок подвергаются в течение почти 10 лет, и репрессиями против евреев в т. н. третьем рейхе шокирующие.

Прямые антисемитские постановления работника отдела социальной защиты молодежи Е. против этих двоих, тем временем, приобрели такие беспрепятственные и почти гротескные черты, что немецкое дружеское окружение готово провалиться под землю от стыда.

Вот небольшой обзор:

Сегодня Мать и ее сын Адриан	Законы Рейха (1933-1945)
Согласно отделу социального обеспечения молодежи, мать не обладает качествами педагога, хотя она свыше 20 лет успешно преподает в школах Северного Рейна-Вестфалии. С точки зрения отдела социального обеспечения молодежи мать должна быть уволена со службы. На повестке дня возникают вопросы типа "какие должны быть претензии с ее (предполагаемой) профессией учителя" и так далее (см. также дело от 27.04.19 UB м.)	07.04.1933 " Неарийские " служащие будут в отправлены в отставку. 30.09.1935 Все еврейские служащие должны уйти в отставку.
Согласно предупреждению отдела социальной защиты молодежи, после развода со своим жестоким (подтверждено 3-ей инстанцией) немецким мужем матери не следовало брать свою еврейскую фамилию (девичью фамилию) (Март 2015, свидетель). Телефонный звонок главы Управления По Делах Молодежи Е. г-жи. Ф.: „Вы об этом еще пожалеете“. Три месяца спустя Адриан был лишен матери (т. е. отобран)	1933-1945 Бесправие евреев
Согласно отделу социальной защиты молодежи, Адриан не должен иметь домашнего животного. Содержание его любимого кролика было запрещено мальчику с момента помещения в детский дом в декабре 2016. Отдел социальной защиты молодежи запретил матери даже приносить кролика на встречи с сыном. Эта тема поднимается матерью на каждом "альтернативном судебном заседании", так как оснований для подобного запрета нет до сегодняшнего дня. Это означает, среди прочего: „Чтобы напомнить о доме “	15.02.1942 Еврейям запрещено держать домашних животных.
Согласно отделу социальной защиты молодежи, мать и ее ребенок не могут эмигрировать (например, в Израиль), и даже переехать в Билефельд, который в 1 часе езды (Лето 2010, Телефонный Звонок, г-жа. Ф., Свидетель)	01.10.1941 Запрет на эмиграцию евреев.
Посылки с одеждой, едой, подарками и т. д., отправленные матерью своему ребенку, к Адриану очевидно не доставляются (например, костюм мага для карнавала в феврале 2019, хотя согласно почтовым документам они точно прибыли. Это кража чужого имущества.	26.04.1938 Евреи должны отдать свое имущество. 25.11.1941 Имущество евреев переходит Немецкому Рейху
Согласно отделу социальной защиты молодежи, "у матери ребенка больше нет ребенка" (Сообщение о состоянии ребенка после первого изъятия 26 июня 2015 года, отдела социальной защиты молодежи, г-жа Ф.)	1933-1945 Бесправие евреев
Согласно судам (например ОС Минден, судья Э.) мать ребенка даже не имеет права на защиту, ибо, как не носитель языка должна привести в суд 7 (!) носителей - объяснения этому нет - свидетельница, врач и доверенное лицо г-жа Лимберг-Диерз.	01.07.1943 Евреи в Германии теряют судебную защиту 1933-1945 Принципиальное бесправие евреев
Согласно отделу социальной защиты молодежи, мать должна финансировать содержание своего ребенка в детдоме (в соответствии с представленной отделом социальной защиты молодежи таблицей, что противоречит всем законам, таким как алименты). Указание матери на оплату услуг экспертов, судебные и адвокатские сборы и взятые для этого кредиты (в результате которых мать многих лет сильно задолжала) будет оставлено без внимания со словами "Вы не должны были это делать, Вам не нужны адвокаты и заключения“.	12.11.1938 и 19.10.1939 Искупление евреев 26.04.1938 Евреи должны отдать свое имущество. 25.11.1941 Имущество евреев переходит Немецкому Рейху Лишение прав

Эту таблицу можно было бы еще расширить, включая следующие пункты:

Адриан не может пить молоко с тех пор, как он помещен в детдом (более 2,5 лет), он явно страдает от недоедания и истощения (Адриан сейчас практически истощен до костей!), неоднократно жалуется на отсутствие основных продуктов питания и даже чистой питьевой воды – протокол „альтернативного судебного заседания“ от марта 2018: опекун Хехт подтверждает это.

Эквивалент в нацистском законодательстве:

18.09.1942: евреи не получают ни мяса, ни яиц, ни молока.

Еще один пример:

запрет на совместное празднование матерью и ребенком еврейских праздников и совместное соблюдение еврейских традиций. Несмотря на обращения в суд – никакого разрешения на общение, не говоря уже о еврейских праздниках!

Религиозные и культурные корни обрываются / обрезаются.

Соответствие в законодательстве Нацистов:

12.06.1941: евреи могут называть себя только как „неверные“.

12.12.1935: принудительная германизация: Например, жизнь не по рождению: похищение детей из районов, оккупированных Германией. Если они считались „арийскими“ в смысле национал-социалистов, то под прикрытием своей идентичности размещались в домах в месте рождения в Рейхе или на оккупированных территориях. Целью, в конечном счете, было усыновление партийно-лояльными немецкими семьями.

И еще один пример:

Адриан уже больше года не может разговаривать по телефону со своей обожаемой всеми матерью, о чем он постоянно просит - без всяких на то оснований. Очевидная цель отдела социальной защиты молодежи: отсутствие обмена сообщениями (с возможностью выявления посягательств и плохих условий в доме), изоляция, отчуждение, бесправие.

29.07.1940: евреи больше не могут пользоваться телефонной связью.

Список можно было бы продолжать бесконечно.

Далее следуют другие станции кафкинской Одиссеи матери с немецкой системой "ценностей"(отдел социальной защиты молодежи, наблюдатели, суды)

- Выдержки из дневника матери-ребенка -

"В начале 2010 года Адриану исполнилось 9 месяцев

Несмотря на частые насильственные действия отца ребенка против меня и нашего сына Адриана во время беременности и Адриана в первые 5 месяцев жизни, предписанное судом выселение после последней расправы на 09.10.2009 и запрет на приближение, отец ребенка получает общение.

Здесь я должна процитировать работника отдела социальной защиты молодежи Е. (коллеги г-жи. Ф), что общение с отцом ребенка - высший приоритет.

Мне дословно несколько раз (в том числе и в течение следующих 9 лет) неоднократно объясняли, что права отцов в Германии важнее, чем права детей.

Я, как мать, и к тому же еврейка, для работника отдела социальной защиты молодежи Е. - лишь воздух.

Итак, первый разговор. Адриан заболел накануне переезда, у него поднялась температура, врач прописал строгий покой, „не выходить же на улицу при холоде в двузначном минусе!“.

Я не могу взять свою старую машину, до Л.-Санкт-Х. (частный собственник), где должно происходить сопровождаемое общение, 3 км пешком. Метель, с коляской не пройти.

Я описываю ситуацию молодежному ведомству (г-жа. Ф.), которая – не выслушав меня полностью – кричит в трубку: „Тогда мы придем и заберем ребенка – и после этого вы никогда не увидите его снова“. Эта фраза звучит так, будто г-жа. Ф. наслаждается каждым слогом. Тут мне впервые в голову приходит: садистское "нацистское поведение".

Я ужасно боюсь, что моего ребенка заберут, упаковываю Адриана в три куртки, дополнительно заворачиваю его в шарфы и ухожу. Пешком, без коляски.

„Посредник" г-н Б. от Л.-Санкт-Х. заставляет себя ждать. Адриан как раз засыпал, когда он появился, с крепким запахом алкоголя, фамильярно и надрывно желая взять меня под руку и нашептывая что-то вроде „красивая женщина“. Тошнотворный.

Мы входим в дом, я дрожу от холода и боюсь, что у меня могут отнять ребенка. О том, как быстро у немцев происходит отбирание еврейских детей, мои дедушки и бабушки сообщили мне более чем достаточно... Даже если мы не в 1943 г...

Б. забирает Адриана из моих рук, Малыш просыпается, начинает плакать. Я пытаюсь взять его обратно, протестую, - и меня отталкивают со словами: „Разве было недостаточно ясно?“

Я должна ждать снаружи... Адриан продолжает кричать... Дверь заперта изнутри, я больше не вхожу.

Через несколько минут я вижу, как отец ребенка направляется к дому.

Он звонит, Г-н. Б. выходит, **дружески похлопывает отца ребенка по плечу**, снова закрывает дверь, прежде чем я могу войти.

В это время из тела Адриана вырывается душа, я толкаюсь в дверь, звоню, звоню, - и меня игнорируют.

Через час немецкий отец ребенка выходит из дома, издевается надо мной с „Ну, вот ты и получила свои права! Плачь же!“

Через несколько минут приходит г-н. Б. с Адрианом на руках.

Адриан все еще кричит изо всех сил, хотя его голос уже довольно хриплый, он покраснел, лицо распухло, в одной руке он держит печенье, данное спекуляции ради - его, вероятно, пытались положить в рот ребенку, который ранее пил только грудное молоко, чтобы заткнуть ему рот и заставить его замолчать.

Я бегу к г-ну. Б., чтобы поговорить с ним, но получаю только: „дело почти закончено, ребенок так сильно обрадовался отцу, я об этом сообщу в отдел социальной защиты молодежи.“

Я понимаю, что ловушка захлопнулась.

Если я не позволю ему заниматься Адрианом, сына у меня заберут.

Если я позволю ему заниматься сыном, что каждый раз было для Адриана испытанием, будут составлены фальшивые протоколы, превозносящие отца ребенка.

Позже мне не разрешают видеть приветствие отца ребенка и посредника - мне запрещено находиться возле дома. Чтобы я держалась оттуда подальше, меня

на время встречи с посредником запирают в пристройке. Когда я сопротивляюсь, снова и снова звучит фраза „отнять ребенка“.

Что будет дальше? Еврейская мать стереотипно „превращается“ отделом социальной защиты молодежи из жертвы в преступницу. Говорят, что она постоянно врет, а немецкий отец ребенка - честный порядочный человек, которого надо защищать от нее.

Женщины из отдела социальной защиты молодежи очень охотно брали на себя роль защитниц.

Хотя Адриан неоднократно возвращался после жестокого обращения и избиения при общении с ним, о чем говорили посредникам из отдела социальной защиты молодежи, судебным приставам и судьям, они стереотипно заявляли, что „отцовские права весят больше, чем воля и неприкосновенность ребенка“.

Адвокаты, совершившие партийную измену или позволившие запугать себя, дали нам остальное. Мне даже пришлось много лет организовывать людей из круга семьи и друзей, которые привозили Адриана к отцу ребенка и забирали от него, потому что отдел социальной защиты молодежи „так хотел“.

Так называемый отец все время "шутит", что во время контактов Адриан прекращает прием лекарств, в результате у Адриана было три (!) тяжелых отита подряд - он стал почти глухим. Чтобы дополнительно мучить своего ребенка и меня, отец ребенка взял Адриана в плавание во время тяжелого воспаления среднего уха зимой/весной и позволил ребенку ходить на улице с влажными волосами и без шапки.

Донесения о таком садизме в адрес молодежного ведомства в очередной раз вызвали насмешливое „вы должны научиться доверять отцу ребенка!“ И - конечно -" даже если отец ребенка в третьей инстанции осужден за умышленное насилие, еще не значит, что он действительно виновен!“ („Лживая еврейка все это только вешает на беднягу“).

22 июня 2015 года, после насилия над ребенком, снова был контакт с посредником, при котором отец ребенка лицемерно заявил, что он больше не может терпеть «это» и хочет убить себя.

Следствие: контакт с отцом ребенка не должен быть разорван, нет! Зато у ребенка отняли мать, лишив опеки над ним.

Судья, по имени С., который еще около 1/2 года назад слышал от Адриана, как он был избит отцом, без колебаний отобрал ребенка у его еврейской матери. Напротив, когда мать умоляла его увидеть Адриана, он высмеивал ее и издевался над ней, мол, „сама виновата“. У еврейских матерей такое бывает.

Отдел социальной защиты молодежи даже добавил к решению: «**Вам не нужно ходить в детский сад, у вас больше нет ребенка!**» (г-жа. Ф, есть аудиозапись заявления)

После этого мать неоднократно шантажировали, однажды было сказано, что ей **вернут ребенка и опеку над ним, если она признает, что она только выдумала насилие со стороны отца ребенка.**

Когда она отказалась, то сказали, что вернут ребенка и опеку, если она предоставит отцу ребенка Все права. Один шантаж следовал за другим.

Адриан, правда, сначала вернулся к матери, но ему разрешили быть у матери только с 18 часов вечера - то есть, практически совсем не быть. Отец ребенка тем временем получал неограниченное общение с сыном.

И продолжал избивать своего ребенка - почему бы и нет, наказывать его не стали.

Напротив, каждый раз, когда он мучил своего ребенка, еврейская мать получала по голове за то, что посмела сообщить о насилии.

При этом отец ребенка каждый раз смеялся в лицо матери: "Тебе все равно никто не поверит, ты еврейская шлюха".

И как пошло дальше? Назначенный судом псевдо-эксперт (Мёрле) в своих показаниях о еврейской матери опиралась исключительно на лживые утверждения отца-ребенка/преступника. Таким образом, объявила его жертвой. Мать, в проверенной немецкой традиции, стала преступницей.

Как это работает? С еврейскими матерями такие вещи проходят без наказания.

Адриан попал в детдом, потом в приемную семью (когда мать жаловалась на состояние в доме), потом в другой детдом.

Еще один пример дискриминации в отношении матери – судья Э., ОС Миндэна. Бесчеловечное поведение, принуждение, шантаж („если обращение не принято, то вообще никакого обращения не было“), лживость, потому что после отзыва обращения последовал отказ в помощи.

Судья допускала, чтобы отец ребенка издевался над еврейской матерью и ее большим еврейским носом в зале суда и оскорблял словами „да такой, как она, необходим кнут и пряник“.

Все, что по-настоящему интересно Адриану, он не должен получить или сохранить от матери, потому что тогда он сохранит положительные воспоминания о ней. В частности, те вещи, которых требует его интеллект и которые бы его развивали. Адриан по материнской линии происходит из семьи высокоинтеллектуальных ученых (мать - математик и физик; бабушка и дедушка - микробиолог и инженер)

Вместо этого матери приказывают покупать подарки и одежду (которые всегда исчезают и больше никогда их никто не видит) - то есть, то, что семья/приемная семья хотела бы сохранить, должно быть куплено матерью (хотя есть предписание районного отдела социальной защиты молодежи больше одежду не покупать). То есть стоимость жизни преступно взимается с матери.

Адриан имеет строгий запрет со стороны отдела социальной защиты молодежи говорить и писать, чтобы правда об этом преступном отбирании ребенка и о том, что с ним происходит во время проживания, не была раскрыта.

И чтобы махинации не стали достоянием гласности, Адриан не вернется к матери, хотя это его самое заветное желание.

Заявление Адриану в первом детдоме: „Если ты снова будешь плакать и говорить, что хочешь вернуться к маме, то ты никогда больше ее не увидишь“ (свидетель).

Во втором детдоме: „Ты должен потерять надежду попасть когда-либо снова домой к маме“ (свидетельница, письменно).“

Нечеловеческая атмосфера при общении - совершенно холодный конференц-зал, только стол со стульями. Таким образом, базовые условия сопровождаемого общения становятся невыносимыми с целью, чтобы Адриан больше не хотел этого. Сопровождаемое общение с матерью, чтобы держать Адриана в напряжении.

Медицинские отчеты или школьные свидетельства отделом социальной защиты молодежи матери не передаются. Проверка документов согласно указаниям отдела социальной защиты молодежи строго запрещена.

Список антисемитских преступлений против матери и ее ребенка можно бесконечно расширять и продолжать...

Как мать и ребенок выдерживали это так долго?
Да, эти двое задают себе этот вопрос каждый день.

Возможно, это объясняется тем отрывком из дневника Анны Франк от 15.07.1944, в котором происходило так же, как описанно выше в дневнике еврейской матери:

"Это чудо, что я не отказалась от всех своих ожиданий, потому что они кажутся абсурдными и невыполнимыми. Тем не менее, я держусь за них, несмотря ни на что, потому что все еще верю в добро в человеке."

Вы спросите, кто эта еврейская мать? Это я.

С наилучшими пожеланиями

Хелен Абрамс